

Н а днях на излете городского июня Инна Фабрицкая, классического ягодного возраста сорокапятилетняя вдова, — креативный директор воронежского филиала фармхолдинга «Меркурий», — разослала своим родным и близким траурные приглашения на ее поминки. Само собой, прижизненные. В дачном трехэтажном особняке Инны на берегу славного стремительного Дона. Если открыть приглашение, тотчас раздаются звуки моцартовского «Реквиема», кстати, уже очищенного от правок и фрагментов других композиторов.

Праведный Судия отмщения,
Даруй прощение
Перед Днем Суда...

Озадаченная званая публика собралась без опозданий: президент меркурианского холдинга, образцово ухоженный Юрий Бельский, дерзко стремившийся выглядеть на двадцать пять при своих пятидесяти трех; сокрушительных объемов капитан Росгвардии Дмитрий Горяинов — двоюродный племянник покойного мужа Инны, провинциального строительного олигарха, а также ее пасынок Миша Щеблыкин, помощник депутата облдумы, — пылко румяный, с вороным жестким чубом, перспективно державшийся со всеми как самый настоящий спикер; далее — де-

ловито-суровый крестный отец Инны Иван Хохлов, завгар воронежской горадминистрации. Завершала мужскую линию этой компании неразлучная приятельская пара: внебрачный сын мужа Инны — редактор местной газеты «Твоя жизнь» Игорь Бояринов, малый лет тридцати, со смутным семейным положением, а также его приятель — нотариус Аполлон Орлов-Алябьев, возраста неопределенного, но явно незрелого. К числу родственников и близких друзей Инны он формально не принадлежал, однако обладал такой особой настырной навязчивостью в отношениях, словно все человечество состояло с ним, так или иначе, в тесной родственной связи. Особое место принадлежало приглашенному по случаю батюшке Григорию, молодому, очень застенчивому, так ни разу и не поднявшему лысеющей головы с кучей косичкой. Отсутствием каких бы то ни было комплексов среди гостей броско выделялась кузина Инны — хозяйка известного в городе автосалона Ирочка, дочь генерала ФСБ Владимира Великолепова, сейчас, в своем третьем замужестве, Воробьева. Красиво полная, с короткой матовой стрижкой и твердым напористым взглядом успешной деловой женщины. Одного года замужества с двадцатилетним Виктором Воробьевым ей хватило, чтобы осознать полное разочарование в очередном муже. Кстати, его мелкая птичья фамилия последнее время унижала ее до истерики. С первого взгляда на Виктора Воробьева каждый отчетливо видел: перед ним человек неудельный и без какой-либо перспективы. Одним словом, Ирина уже подала на развод, но, не дожидаясь государственного оформления статуса «разведенки», стала везде открыто появляться на людях с капитаном Росгвардии Горяиновым, погусарски услужливым и в ухаживании азартным.

Однако на этот раз Инна особо настояла, чтобы Ирина пришла с мужем. Выбрав компромисс, она пришла и с тем, и с другим. Да, Витька Воробьев никак не тянул на человека их круга: заштатный автослесарь из детдомовцев и, по всему видно, звезд с неба не хватает уже только по той причине, что не ведает, где оно есть и как называется. Однако он вполне мог придать прощальному траурному вечеру Инны нужный шарм контрастом ее близящейся смерти и его молодой мужской красоты. Эдакий новоявленный Антиной, любовник из рабов при древнеримском императоре Адриане, ставший благодаря своей неотразимой внешности последним римским богом после своей странной смерти в мутных водах Канопского Нила.

Когда гости сошлись, Инна первым делом благородно села к своему раритетному трофейному немецкому пианино из красного дерева. По особому случаю на ней было яркое кружевное свадебное платье, похожее на облако мерцающих холодной искрой снежинок.

— Я отныне твоя невеста смерти... — романтично улыбнулась Инна Виктору Воробьеву и под шопеновский «Сад Эдема» поведала, что не так давно в ходе текущего профилактического осмотра в местной поликлинике ее анализы ошеломили врачей. Инну срочно направили в онкологический диспансер, где через пару недель ей поставили самый что ни на есть смертельный диагноз: у нее скоротечная форма рака крови, за месяц убивающая человека с самой стойкой иммунной системой. Когда в знаменитом московском Центре Блохина, куда Инна немедленно прорвалась по квоте, такой приговор судьбы подтвердили, она впала в жестокое отчаяние. Но оно длилось недолго: ею вдруг внезапно овладело лихорадочное, просто-таки яростное желание сотворить из своего скорого ухода в небытие вселенское праздничное шоу. Для начала Инна загорелась устроить свои

поминки прежде похорон, чтобы при жизни услышала о себе все те замечательные слова, какие обыкновенно произносятся застольно лишь после исполнения крайних кладбищенских ритуалов. Это был с ее стороны удачный креативный ход, чтобы на шаг, но опередить смерть. Вернее, сделать ее как бы частью своей жизни, и тем самым примирить эти два великих противоречия.

Реальность такой ее философской затеи убедительно подтверждал язычески-православный натюрморт на столе: полное отсутствие вилок, а ложки лежали, как и полагается на поминках, перевернутыми. Само собой, каждого ждала для зачина традиционная малоаппетитная рисовая кутья, ржавые холодные оладушки с медом, противно пахнущие подсолнечным маслом, и жидкая куриная лапшичка. Во главе длинного гостевого стола с витыми белоснежными ножками стоял очаровательный портрет Инны с ажурной черной лентой.

Хозяйка весело-дерзко оглядела гостей.

— А сейчас я бы хотела, чтобы наш уважаемый батюшка Григорий справил по мне поминальную панихиду. Попросту говоря — отпел рабу Божию Инну. Гроб ждет меня в соседней комнате, и я тотчас возлягу в нем с соответствующим духовным выражением на лице. Гости, само собой, после отпевания поцелуют меня. Можно по традиции в лоб, но я не вскрикну, если чей-то поцелуй окажется в губы. Прежде всего, я имею в виду нашего древнеримского красавчика Витеньку!

Батюшка торопливо встал и огляделся так, словно не понимал, где находится. Он взволнованно вздохнул:

— Извините, такую требу ныне исполнить никак не могу в силу разных важных обстоятельств и прошу извинить меня, что немедленно покину по неборимой необходимости ваш гостеприимный дом.

Тем не менее, Инна подошла к нему принять благословение, и была машинально, бегло осенена Крестным Знамением. Поцеловать руку батюшки Григория Инна, однако, не успела, так как тот уже удалялся более чем стремительно.

— Что, святой отец, серой у нас воняет?! — красивым, емким баритоном пропел ему вслед журналист Бояринов, Игорек. — Так это ваш Апокалипсис надвигается! Кранты человечеству! Оставайтесь, батюшка! Ради познания глубин жизни! Вон вы и туфельки никак надеть не можете от возвышенного смущения! Я утрою ваш гонорар! Этого мусора у меня достаточно!

Инна машинально вдохнула мутный, чуть горчащий аромат ладана, что кудряво тянулся за отцом Григорием, вдохновенно перекрестилась и безобидно шлепнула Игоречку по щеке, по-родственному так.

Бояринов бодро засмеялся, как будто его особо и значимо отметили.

— Со святыми упокой... — надрывно усмехнулась Инна. — Целование в венчик будущей покойницы отменяется... Но хотя бы представьте себе такую картину: батюшка отпел меня, уже прозвучала разрешительная молитва... И вы, милые друзья, оставив меня упокоенно лежать в могильной яме, печально сойдетесь для поминок, скажем, в кафе. Я об этом заранее позабочусь! Так что в очень приличном кафе! Думаю, что наша знаменитая «Ромашка» всех устроит... Кстати, я попросила, и мне администрация «Ромашки» пошла навстречу за хорошую сумму, чтобы на один день цветочное название этого кафе заменить на суровую латинскую мудрость, которая до слез трогает меня: «Мemento море»!

Инна словно бы нырком глянула в сторону окна. Батюшка Григорий,

ссутулость, с торопливым подскоком спешил в сторону своего салатного «сапурожца». Кажется, батюшка разговаривал сам с собой. По крайней мере, он то и дело жестикулировал. Хотя, скорее всего, некую очистительную молитву читал и крестился наспех. Сутулый серпик луны вежливо прислушивался к нему.

Тотчас откланялся и Юрий Бельский, сбивчиво сославшись на внезапный приезд неких важных иностранных партнеров.

— Простите, простите, простите... Виват всем! — чуть ли не бегом попытался он в сторону двери, усиленно моргая своими наивно-дерзкими голубыми глазками.

Остался самый узкий круг.

— Над городом очаровательное лето! — призывно воскликнула Инна. — В ваших головах — мечты о скором отпуске. И все-таки, как я задумала, давайте проведем экспромтом короткую репетицию моих поминок. Итак, милые, представьте, что я честь по чести похоронена. Могильный холмик сотворен. Вы, наконец, утомленно устроились за столом... Лица ваши печальны... И зря! Я повелеваю вам веселиться на моих поминках на всю катушку!

Кто-то жестко, трескуче скрипнул зубами, будто металлом металл корябал. Как видно, капитан Горяинов от души расстарался.

— Но, уверена, вы, прежде всего, захотите сказать обо мне добрые слова! А какие — я сейчас и хотела бы услышать... Очень хотела бы. Порадуйте мою душу и сердце! Врать не стесняйтесь! Лишь бы классно прозвучало!

Инна села и принялась нервно обмахиваться салфеткой. Кажется, ей, в самом деле, было безразлично, что она сейчас услышит о себе.

— Очаровательная! Щедрая! Эротичная! Неповторимая! — наперебой нервно заговорили гости.

Будущая покойница, слушая их, живо менялась в лице от девчоночьего румянца до юношеской бледности, от женского строгого смущения к девичьему озорному трепету, а то и вовсе явному детсадовскому ликования.

— Достаточно, милые мои, хорошие, родные! Достаточно... А то я на постамент какой-нибудь или на худой конец на табуретку прямо сейчас влезу и стану вечным памятником! — взволнованно выдохнула Инна. — А мне еще помирать надо.

Инна победно вознесла над собой игривый бокал саксонского живого хрусталя с чем-то розовым, итальянским, кажется, мартини.

— Итак, господа, а теперь прошу вас на прощание по очереди рассказать без стеснения и ужимок какую-нибудь самую невероятную историю, связанную со смертью. Близкого вам человека или дальнего — неважно. Главное, чтобы до дрожи всех нас пробрало! Покажем смерти, господа, кузькину мать! — Инна усмехнулась, почти высокомерно.

Гости с неловкостью переглянулись.

— Так кому не слабо первым?! — нахмурилась Инна.

Дмитрий Горяинов, у которого даже на цивильных плечах пиджака всегда словно бы проступали офицерские звезды, как по команде, встал первым:

— Военный человек всегда со смертью на «ты»... — глухо, разгонно проговорил капитан. — В общем, я тогда в ВДВ служил... Перед второй чеченской... И как-то зимой в январе были у нас плановые учебные прыжки. Дело обычное. И все же после них «батя», наш комполка Илья Про-

хоровой Дубинин, перед обедом всегда велел из его особого резерва налить всем по сто граммов спирта и в обязательном порядке выставить к простой солдатской жрачке интеллигентские маслины. Поговаривали, что у него к ним было какое-то особое пристрастие.

— А можно, товарищ, покороче?.. — сияя пламенным румянцем, словно создающим вокруг его начальственного лица ауру неистощимого детства, почти подростковым ломающимся голосом попросил помощник депутата Миша Щеблыкин. — Или, может быть, утвердим регламент?!

Горяинов торжественно-печально сложил руки на груди.

— По устоявшемуся обычаю, на учениях «батя» прыгал первым... Так было и в тот раз. Прыгали из-за низкой облачности почти с критичной четырехсотметровой высоты.

Миша Щеблыкин печально, почти женственно улыбнулся. Журналист Бояринов с жесткой чеченской бородой и рыженький стильный модник нотариус Орлов-Алябьев курили на балконе с мальчишеским азартом новоявленные электронные сигареты, превратив свои рты чуть ли не в жерла проснувшихся вулканов. Но оба через приоткрытую дверь тоже прислушивались к капитану. Тот никогда не говорил пустых слов.

Горяинов отчетливо, вдохновенно перекрестился: словно grenадер кутузовской армии перед Бородинской схваткой.

— В общем, взлетели мы... Вышли на нужный горизонт. И сиганул наш «батя» первым сквозь облака, освенив себя крестным знамением... без коего десантуре никак нельзя... Я прыгал следом и вдруг увидел, как из его ранца вместо парашюта трава да камни валяются. Все, задохнулся я, хана нашему отцу-командиру. И кто же ему такую подлянку устроил? За Афган? Анголу? Эфиопию? Сербию? На каких только необъявленных войнах наш батя не засветился...

— А перехватить его на лету было невозможно? — напряженно пристал завгар Хохлов.

— Только не при прыжке с четырехсот метров, — строго отозвался Горяинов и судорожно вздохнул. — Но небо спасло нашего «батю»! Внизу под ним оказался пологий глубокий овраг, забитый снегом. Так вот, Илья Прохорович в этот судьбой и Богом ему приготовленный овражек с одной стороны влетел, с другой — как из пушки вылетел, плюхнувшись в ближайший неубранный стожок... Полк рыдал от счастья. Даже боевые офицеры, всякой чертовщины навидавшиеся на войнах, плакали, как дети малые. И я радостно выл заодно с ними... Но у судьбы свои хода! — вдруг подьемисто взревел Горяинов. — Через три дня мы хоронили нашего славного «батю»... Вот так... — покаянно завершил он и как-то особенно тихо, почтительно сел на свое место.

— Наверное, снежный трамплин оврага не очень помог вашему командиру? — хмыкнул нотариус Орлов-Алябьев из глубины бледного, слащаво-ароматного пара его раскопчегарившейся электронной сигареты.

— Как видно, отбил себе, бедолага, все внутренности... — поморщившись, поддержал его Игорь Бояринов.

— Казусная составляющая вмешалась... — сухо проговорил Горяинов, на глазах бледнея. — Или высший промысел заявил о себе?.. В общем, мы тогда после такого жуткого спасения бати накрыли в штабной палатке стол. И наш Илья Прохорович, аппетитно закусывая после первого тоста в его честь, вдруг охнул и подавился косточкой любимой маслины. Следовало немедленно взрезать ему горло. Чтобы дыхание временно открыть. Пока отняли кинжал у часового, одуревшего от такого наглого

нападения на него, «батьа» скончался. Это было ужасно. Все, господа, больше никаких подробностей. К черту! Разревуся, как ребенок...

Гости уважительно притихли. Самая настоящая минута молчания вышла. Красиво так сложилось, впечатляюще, почти сурово. Точно глас небес всем волнуяще послышался.

Помянули комполка соответственно его достойному статусу — стоя. Тем не менее, никто из серебряных вазочек с натуральными итальянскими маслинами на этот раз ни штучки не взял, вдруг выказав явное предпочтение консервированному пупырчатому огурчику, похожему на юного крокодилчика, и мясистой щекастой помидорине.

Тут надо особо сказать, что на столе Инны было в достаточном количестве разных коньяков французского, английского или армянского происхождения с шотландским виски в плюс, но все азартно возлюбили домашнее произведение Инны на основе березового самогона — на соке мартовского первого сбора, приправленном ароматами не менее двадцати трех луговых пойменных трав. С названием простым и очень даже по-народному правильным — «Самопляс».

— Говоря о смерти, никак нельзя обойтись без философии... — вдумчиво, тихо проговорил завгар Хохлов, словно бы из глубин некоей возвышенной пространственности. — А она, зараза, более чем тесно связана с жизнью. Разрешите пример?

Публика почтительно притихла.

— Моя родная деревня Колыбелка... Известная с одна тысяча семьсот шестого года. А лет десять назад в ней уже оставались два последних жителя. Дед Буратино и евойная бабка — Буратиниха. Само собой, такое особое прозвище обретоено было через его, деда, нос особой конструкции. Очень длинный и тонкий. Так вот, тогда в районе зимой во множестве появились бешеные лисы. Охотники взялись их отстреливать: им обещали заплатить, — но не заплатили. Известное дело, простой народ в своей беззащитности принялся усиленно умирать от бешенства. Хватила зубом такая лиса у курятника и нашего деда Буратино. Заболел, — преставился. А тут местные власти приняли решение, чтобы здешний сельский люд не хоронил своих ныне множественных покойников без заключения медэкспертизы. Чтобы избежать возможных случаев преступлений с сокрытием жертв. И повезла Буратиниха своего Буратино за тридцать кэмэ в райцентр... В одеяле завернутого, чтобы не гремел по кузову. А тамошний начальник экспертизы, оказывается, ушел в отпуск, уехал всей семьей в Таиланд. Зам в Москве на конференции. А без их подписи ставить никак нельзя. В общем, Буратинихе пришлось потом еще семьдесят кэмэ ехать с телом мужа в область. Как бы там ни было, но дело свое она сделала. Упертая была бабуся. А когда вернулась, сама вскоре умерла: бешеная лиса, может быть даже та же самая, укусила и ее. Так не стало моей деревни. Только на старых картах теперь ее можно найти.

Выпили уважительно за почившую в бозе Колыбелку, за деда и бабку Буратино, а также за спасение сел да деревень, без которых Россия силой истощится и крайне кончится духом.

Из слащавого облака, рожденного электронными сигаретами, раздались печальные аплодисменты. Они прозвучали глуховато и как-то тотчас оборвались. Никто более их не поддержал.

— Bravo, Ваня! Тронул ты, милый крестничек, мое сердце, ох, как тронул... — внятно, почти вдохновенно проговорила Инна. — А что может сказать о ее величестве Смерти представитель самого молодого поко-

ления? Виктор! Красавец ты наш писанный! Хотя бы пару слов. Смерть как хочется услышать мнение о даме с косою именно от тех, кто только начинает жизнь!

Виктор очень красиво, дымчато покраснел.

— Смелей, вьюноша!

— А вот и скажу, да... — напряженно поморщился он и не то чтобы побледнел, а какой-то странный сиреневый оттенок растекся у него по лицу.

Тотчас капитан Горяинов рассудительно плеснул парню в фужер с шампанским добрую толику «самоплясного» произведения от Инны.

Виктор послушно выпил. Виногато, нежно покосился на Ирину...

— Лет пять назад директор нашего детдома Мышковец Геннадий Ильич у меня на глазах погиб... Но как погиб?.. — очень тихо, точно ему скулы свело, заторможено проговорил Виктор. — Мне было тогда лет тринадцать. И как-то Геннадий Ильич загорелся повести нас, детдомовцев, на экскурсию на шинный завод. В целях профориентации, что ли? А в цехе вулканизации, похожем на макет ада из-за его фонтанирующих извержений пара и огня, нашего Геннадия Ильича точно бес потянул заглянуть в форматор. А туда только что загрузили для варки очередное гигантское тракторное колесо. Любопытно стало человеку! И тут крышка форматора вдруг начала автоматически закрываться. Размером она с три танковых люка. И не менее тяжелая. Взрослых рядом не оказалось, а мы, пацаны, сначала ничего не поняли. Я до сих пор помню звук, с каким раздавилась голова Геннадия Ильича...

— Тьфу, черт! — поморщился капитан Горяинов и машинально высвободился из объятий Ирины, от страха в него больно вцепившейся.

Вдруг глаза у Виктора стали какие-то странные: оба белесо помутнели, будто их затянуло поволокой, похожей на бельма, — такое впечатление иногда создается, если человек провально уходит в себя, словно в душу настойчиво вглядывается, в ее тайники.

Виктор вдруг отчаянно, жестко улыбнулся...

— А три года до такой своей жуткой смерти Геннадий Ильич почти каждый день использовал меня... В том самом смысле. Правда, и подкармливал всегда, и защищал, если пацаны обижали. О будущем моем особо думал... Мечтал, что я космонавтом стану. Одним словом, добрый был дяденька... Честное слово, я бы там без него пропал...

Ирина с застарелой унылой ненавистью посмотрела на мужа:

— Другой гадости придумать не мог, типок?

— Да может, это самое лучшее время во всей моей жизни было! — глухо вскрикнул Виктор. — А кто я теперь и для чего живу? Раньше в СССР молодежь на разные великие стройки ездила, целину поднимала, коммунизм строила, а что теперь? Менеджер на менеджере сидит и менеджером погоняет. Куда пойти, куда податься, чтобы в люди выбиться?

— Дурак... — поморщился Ира. — Все. С меня хватит. Особенно после твоих идиотских откровений про директора-насильника! Побыла Воробьевой, почирикала... Пора возвращаться на круги своя... Развод. Однозначно. Красавец хренов! Аполлон Полведерский!

Ирина достала из сумочки озорно взблеснувшее зеркальце, хмыкнув, бдительно подставила ему левую щеку, потом правую — и вдруг сама себе показала язык:

— Что, капитан? — вдруг откинулась Ирина на стуле. — Хватит нам с тобой тайком по углам по-пацански тискаться? Со мной не пропадешь.

У меня отец генерал ФСБ, с Путиным вместе на контрразведчика учился. Так возьмешь меня в жены? Или в любовницы?

— Давайте эту тему и все вытекающие из нее последствия позже втроем сядем рядышком и спокойно обсудим... — глухо проговорил Горяинов. — Как ты думаешь, Витёк?

— Что со мной обсуждать, дядь Дима? — напрягся тот. — Со мной считаться не надо. Я реально человек пустой. Целыми днями в соцсетях сижу. Стрелялками забавляюсь. Картинки с кошечками да собачками разглядываю. Нет во мне никакого стержня. И собственного мнения у меня ни о чем нет.

— Вот, вот! — вскрикнул Хохлов. — Нынешней молодежи самое место в детском саду. Только там они найдут себе забаву! Квесты, флэшмобы и всякие прочие позитивы...

— А как же тогда наш воронежский летчик Роман Филипов? — четко, по-командирски заметил Горяинов.

— Который себя и бандитов в Сирии на гранате подорвал? — строго напрягся завгар Хохлов. — Так он последний из могикан! Вот и все объяснение. Вы хоть понимаете, в каком мире сегодня все живете? Хотел я промолчать, но, как видно, не получится... Вот вам нетипичная, но о многом говорящая история. Итак, жила-была молодая семья. Она — повар, он — руководитель драмкружка. А ее любовник — гаишник. И однажды наш провинциальный театральный деятель вдруг озаренно понял, что он в душе самая настоящая женщина. И сменил пол. А далее? Гаишник пылко переметнулся к бывшему ее мужику, вспыхнул к нему самыми что ни на есть яркими чувствами, а жена, оставшаяся на бобах, полезла в петлю.

— Умеешь ты, Хохлов, жизнь пригвоздить. К позорному столбу! — нервно вздохнула Инна. — Одним словом, финита ля комедия! Пора гасить свет, господа... Давайте прощально целоваться: вы — по домам, я — в мир иной! Разлетаемся!

Многочратно и славно перецеловавшись с хозяйкой, гости тронулись, правда несколько растерянно, точно дорогу забыли.

Тяжелая металлическая дверь коттеджа Инны закрылась так мощно и торжественно, словно разделила этот мир на две половины: случайная жизнь и неизбежная смерть.

Горяинов машинально подумал, что примерно так закрывается за космонавтами люк их корабля перед стартом во Вселенную.

С первых шагов на улице гостей накрыло густой яркой свежестью ночного быстроструйного разворотистого Дона. Лягушки в кустистых заиленных берегах, спевшиеся за лето, емко, азартно верещали, демонстрируя коллективную хоральность своего звонкого раскидистого песнопения.

— Неужели мы оставим Инну одну? В такую минуту?! — вдруг мрачно вздохнул Горяинов. — Господа, как-то это, между нами, вовсе не комильфо!

Но тотчас оказалось, что у всех самые неотложные, а то и вовсе критические заботы.

— Эх, перед смертью не надышишься... — тупо проговорил помощник депутата.

Решимости вернуться не было ни у кого.

У себя дома Ирина впервые оказалась вместе с Виктором и Горяино-

вым. Только сейчас ей было не до щекотливых тонкостей и прочих оттенков. Она дерзко выпила бокал великолепного итальянского шампанского и, заплакав, отправилась спать в отцовский генеральский кабинет с разворотистым трофейным кожаным диваном, доставшимся генералу Великолепову от родителей, которые в победном сорок пятом привезли из Германии три вагона мебели, кружевных постельных наборов и мейсенской культовой фарфоровой мануфактуры.

Виктор и Дмитрий остаток ночи проговорили лоб в лоб сугубо «за жизнь». Само собой, на кухне, как главном месте напряженного русского поиска смысла бытия.

Пуд утро капитан Горяинов, перекрестившись, рухнул на колени и принялся лихорадочно, с зубовным ядреным скрежетом выпрашивать у Виктора прощения за свою и Ирки беспардонную хамскую вседозволенность чувств, крайне разрушительную для его юношески нежной, чистой души.

Виктор тоже перекрестился, и они хватко, сильно обнялись.

— Истины ради, юноша! Какие такие пути-дороги привели тебя в юдоль скорби и печали? — с задыхом проговорил Горяинов.

— Куда-куда? — застенчиво смутился Виктор.

— В этот, как его, детдом!

Виктор поморщился.

— История не из интересных. Мне года три... Отец работал вулканизаторщиком на шинном заводе, мамка в одном с ним цехе — контролером. В то время еще было принято по большим праздникам на вылазки всем коллективом ездить... Пить, песни орать.

— Теперь это «корпоратив» называется, — строго, умно уточнил капитан.

— Типа того... — покивал Виктор и оглянулся, словно искал глазами Ирку. — Так вот нагрязнули они однажды на День Победы всем цехом на Веневитинов кордон. Костры развели, одеяла на травке раскидали. Выпили тост за павших, выпили за светлое будущее. И чтоб всем не хворать. После примерно восьмого тоста мамка возьми да и приревнуй папку к своей напарнице Катьке... И зарезала моя мамка тут же сгоряча моего папку обыкновенным кухонным ножом. А полюбовница в отместку печень ей стальным шампуром шашлычным пару раз продырявила. Никто и ахнуть не успел, как два трупа лежат готовенькие. А когда Катька эта от хозяина откинулась, так очень хотела меня усыновить и разные документы для опеки начала собирать. Но что-то там не склеилось. Как же тогда она выла... В ногах у меня валялась...

— А где она сейчас? — угрюмо уточнил Горяинов.

— Повесилась Катька.

— Сплошная теория относительности... — напрягся Горяинов и так звучно скрипнул зубами, точно флакон хрустальный раскусил во рту. — А насчет Ирины — не мучь себя... У нее ни с кем ничего хорошего не будет. Нутром чую, что и нам с ней долго не танцевать фокстрот жизни. Под звуки бубна! Одним словом, все мы рождены, чтоб сказку сделать болью!

— Пора бы и честь знать, пустобрехи! — вошла полуобнаженная Ирина. — Или мне вас обоих выгнать в гараж?!

Горяинов и Виктор сдавленно прыснули, схватившись за руки.

— Не дрейфь, паря! Еще сто таких Ирок у тебя будет... — всхотнул капитан. — Кстати, а почему у тебя своей квартиры нет? Вроде детдомовцам она по закону положена.

Виктор побледнел так, что все черты его красивого лица исчезли.

— Положена?.. Да не возьмешь. Лет семьдесят надо на очереди стоять. А в общежитие я сам идти не хочу. Явно не по мне умывальник один на всех, такой же туалет, такая же кухня... Я у мамки чересчур брезгливый уродился-выродился. Может, она меня с каким большим начальником нагуляла?..

— Которые из грязи в князи?! — гыкнул Горяинов и потрепал Виктора по затылку. — Нет, Ирка Иркой, а я тебя не оставляю, парень. Тебе нужен твердый жизненный ориентир. Хочешь, познакомлю с одним резвым человеком? Он тебе поможет крепко стать на ноги. Во весь рост. Ты еще на всех нас чихать будешь с высокой колокольни! Удивишь, брат. У тебя, чуя, явно имеется сокровенный сугубый потенциал!

— Спасибо, Дмитрий Владимирович... — осторожно вздохнул Виктор. — Так я пошел спать?

— Ты где ляжешь?.. — по-домашнему блаженно, свойски потянулся капитан.

— Я к мамке своей пойду. У нее всегда для меня место найдется.

— Какая мамка, Виктор? Ты же вроде круглый сирота?..

— Я «мамкой» с детдома одну женщину называю. А как иначе? Расскажу как-нибудь.

Капитан Горяинов напряженно зажмурился.

— Сейчас требую!

Виктор прерывисто вздохнул.

— У меня был приятель в детдоме, Петька Струков... Белобрысый, конопатый и еще тот матюкальщик. Тем не менее, через пару лет его усыновили какие-то американцы. Меня это зацепило. И стал я уперто каждый день отправлять письма с дурацким адресом — «Моей будущей маме». Мол, забери меня, родненькая, Христа ради. Мороки со мной не будет. Я ем мало-мало, могу спать на полу даже совсем без подушки. Еще я умею стирать, чистить картошку, а воды натаскать да дров наколоть — мне раз плюнуть. Зато я, когда вырасту, куплю тебе красивое платье. И так далее типа этого.

— И что? — тупо кашлянул Горяинов.

— Все письма возвращались... С надписью: «Не указано местожительство адресата». И стояла подпись: сортировщица К. Грачева. Но я уперто переключал свой листок с каракулями в новый конверт и снова нес в почтовый ящик. И однажды письмо не вернулось. Ни через неделю, ни через месяц. А потом как-то меня вызвали в кабинет директора. Уже нового... А там сидит и чай с ним пьет сортировщица с почты К. Грачева. Клавдия. Клавдия Васильевна. Маленькая, стройная, с черными блестящими волосами. На птицу галку похожа. Она меня и усыновила.

— Прямо песня сердечная! — восхищенно вскрикнул капитан. — Молодец баба! Есть еще нормальные люди на этом свете... Ладно, бывай. Но помни, ты в зоне видимости моих душевных радаров!

...Через несколько недель Горяинов напомнил звонком. Только Виктор сначала голос капитана не узнал. Фамилия реально его высветилась на экране смартфона, а нотки в голосе были какие-то чужие: заговорил с ним Горяинов глухо, отрывисто, словно речь шла о некоей особой государственной тайне: «Человек тот... Помнишь?.. Я тебе о нем говорил в прошлый раз... В общем, он согласен с тобой потолковать... Жди. Он тебя сам найдет... Извини, не могу больше талдыкать с тобой. Народу много вокруг лишнего...»

...Виктор уныло завтракал: любимому его занятию пить через аккуратную дырочку в скорлупе сырые яйца настырно мешал здешний густой тухлый запах, к которому он так и не смог привыкнуть в мамкиной «гостинке». Это была особая густая атмосфера от последствий жизнедеятельности сорока кошек, обитавших через стену у тамошней жилицы — заслуженной учительницы страны Анны Егоровны, лет ста двух или, возможно, даже ста трех.

Ко многому тут не привык Виктор: и что любовные потребности, невзирая на здешнюю идеальную слышимость, усердно исполняются частью жильцов (ко всему почему-то в одно время), и что их восьмидесяти-девятiletний сосед Николай Николаевич, бывший начальник почты, чтобы не идти до туалета длинным сумеречным коридором с нервно дрожащими полами, прилагодился выливать понятно какие отходы своего необратимо увядшего тела именно на кухне в общую раковину для мытья посуды. Правда, отходы были жиденькие, так что успешно и быстро убежали в воронку. Тем не менее, запах, какой-никакой, оставался достаточно надолго и успешно дружил с кошачьими амбре.

— Сынок, ты бы к яичку колбаски ливерной взял... Есть кусочек. Мужуку мясо потребно! — бережно вздохнула Клавдия Васильевна.

— Я, мама, вовсе не мужик, — презрительно улыбнулся Виктор.

— Не плети! — ахнула она. — А кто?

— Вскрытие покажет.

Далее последовал мамкин мягкий, нежный подзатыльник.

— Ох, что я вспомнила! Вот дура! Чуть не забыла! — вскинулась Клавдия Васильевна и поспешно пристроилась за столом напротив Виктора, зачем-то стала машинально, судорожно крутить в пальцах попавшуюся ей под руку конфетку — старую усохшую карамельку. — Вить, а Вить, признайся мамке как на духу: ты ничего такого не натворил? Ненароком?

— Чего — такого? — ярко побледнел Виктор.

— Ишь, с лица спал сразу... — тоже побледнела, но с желтинкой, Клавдия Васильевна. — Чует мое сердце, что ты по простоте душевной связался с какими-то проходимцами... Скажем, машину ворованную разобрать или номер двигателя перебить... Это же у вас запрост! В общем, Александра, соседка, жена пожарника, говорила, будто какой-то мужчина возле нашего подъезда ее встрял и начал всякие разные разговоры будто для заполнения опросной анкеты насчет повышения пенсионного возраста, а сам между тем исподтишка хитрованом эдаким про тебя разные разности выведывал: какой твой характер, чем увлекаешься, что у тебя насчет девок и выпивки... Много чего еще...

— Бред сивой кобылы, мама. Народ из ума стал выживать, питаемся черт знает чем: живая химия и генные модификации. Так что вы в голову себе чего лишнего не берите... — бережно проговорил Виктор и осторожно принялся за чай.

Да выпил половину стакана и вдруг отставил — вяло, стомленно.

— Вы мне, мама, как-то весь аппетит нечаянно отбили.

— Я тебе суцую правду сказала... — плаксиво поморщилась Клавдия Васильевна. — Чую нутром, тучи над нами сгущаются. Хочу насчет тебя к гадалке сходить. К Светке. Она всем так ладно говорит... Люди ею очень довольны! А еще свечку за тебя ныне же обязательно поставлю в нашем храме. Как пойду к вечерней службе, так и поставлю. За здравие!

Виктор закрыл лицо ладонями.

— Ну, началось...

— Я же как лучше тебе хочу... — осторожно, как исподтишка, проговорила Клавдия Васильевна.

— Оно так, но лучше бы не надо вовсе, — постановил Виктор, запрокинул голову и меланхолично стал глядеть в потолок, изредка судорожно вздыхая через нос.

— Совсем ты скис из-за этой стервы... — напряглась Клавдия Васильевна. — Развод ей, шлюхе, захотелось учинить! Мой Витенька ей, видите ли, чем-то стал плох! Красавец ведь писанный! Еще наплачется она по тебе, да поздно будет. Эх, сынок, ты бы пошел, что ли, погулять. По Проспекту! Там такие витрины вечером — одно загляденье! Проветрись! Только не запей с какими-нибудь дураками!

— Какое там запей... — мутно отозвался Виктор. — Мне надо новую работу подыскивать. Не буду же я при моих молодых силах у вас, мама, на шее сидеть.

Клавдия Васильевна робко, с осторожностью обняла Виктора сзади за плечи и так вдохновенно, самозабвенно прижалась к нему, что он закашлялся.

— Не спеши, милый... — шепнула она ему в ухо. — Оглядишься. Зацени, что к чему и почему. А я скоро еще на полставки почтальоном оформлюсь. Мне пообещали. Наша заведующая как какого-то хахалю себе при живом муже завела, так теперь такая добрая стала! Точно мамка родная всем нам... Она и пообещала!

— Сколько же вам прибавят? — как-то безразлично, устало спросил Виктор.

— Тыщи две с половиной! И без вычетов...

— Куда ни шло... Тоже — деньги.

— Курочка по зернышку, Витенька, клюет.

— Почтальоном... — рассудительно вздохнул он. — У нас тут в основном частный сектор. Собак много бродячих. Отвяжутся — и бегом со двора за свадьбой ихней. А сейчас для такого занятия у них самое время. Еще покусают, мама? Я бы вам не рекомендовал рисковать. Подумайте!

Клавдия Васильевна руками шустро развела, точно к танцу с выходом приуговариваясь.

— А я их палкой! Ты не гляди, что я росточка крохотного. Я задиристая! В детстве с мальчишками на равных дралась! — Клавдия Васильевна вдруг как лампочка красная вспыхнула — ярко зарумянилась и лицом, и шеей.

Виктор судорожно встал идти как бы по своим делам. На самом деле их у него не было. Никаких дел не было. И быть не могло. Через этот внезапно объявившийся на повестке дня развод с женой он словно потерял ориентацию в окружающем жизненном пространстве. Он собрался идти по самому что ни на есть сказочному принципу: «Пооди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что». Одним словом, прочь куда-нибудь от самого себя. Со стороны он сейчас напоминал сам себе разве что самолет, вдруг каким-то образом оказавшийся в воздухе без пилота. Точно инопланетяне или какие ангелы того подхватили и выкрали.

— Да ты дослушай! — как-то вдруг таинственно прильнула к сыну Клавдия Васильевна. — Знаешь, мужик, который с Александрой насчет тебя что-то скрытно выпытывал, так он и про меня интересовался: не пьяница ли я, не скандалистка? Так вот главное, что я хотела тебе сказать в связи со всем этим: он очень моему имени удивился! По-хорошему удивился, уважительно так. Для всех оно во всю жизнь мою было самое

простое, чуть ли не насмешливое: Клавка-Клавуха-Клашка. А он Александре сказал, что такое имя самое что ни на есть высокое, родовое и его носил какой-то знаменитый царь Клавдий.

Клавдия Васильевна всхлипнула, судорожно передернув морщинками на своем точно бы детском лобике, и порывисто, влет перекрестила сына.

...Его Виктор сразу увидел. Как только из подъезда вышел, так и увидел поодаль возле их пахучей дворовой мусорки, ароматы которой все равно были амброзией в сравнении с агрессивной вонью сорока кошаков заслуженной учительницы России. В колыхавшейся пятнистой тени ук-сусного дерева с густо-красными пирамидальными плодами стоял какой-то мужик, точнее парень лет сорока. С лицом наивно-умным, бдительно-сосредоточенным, но словно бы истерзанным черт-те какими лихорадочными эмоциями и через все это дерзко, углубленно стареющим прежде времени.

Он неторопливо, явно для одной видимости, кормил здешних сизарей лохматыми остатками слоеного пирожка, изредка бдительно рыская по сторонам голубовато-зелеными, словно фосфоресцирующими глазками. И хотя урчащих, настырных и драчливых сизарей вокруг него собралась целая тучка пестрая, он, очевидно, стоял здесь не из любви к птичкам.

Он так бегло-цепко зыркнул на Виктора, что нельзя было не понять, по чью душу он тут топчется на самом деле.

— Ты — Воробьев? — с прохладцей, почти безучастно проговорил этот человек.

— Я. А вы, наверное, тот мужчина, который навел обо мне справки у соседей? — тихо, почти шепотом произнес Виктор.

— Меня зовут Павел. Имя, понятно, не мое. Фамилию называть не стану. Она все равно тоже не моя...

Далее последовала строгая и почти презрительная улыбка.

— Капитан Горяинов попросил оказать тебе содействие. Чтобы ты себя нужным человеком почувствовал... Вот я и решил для понятности составить твой психологический портрет.

Виктор вдруг как-то пискляво кашлянул.

— В общем, я так понял, ты хотел бы начать жизнь, так сказать, с чистого листа?

— Вроде того...

— И считаешь себя неудачником?

— А кто я еще есть? Пустое место. Без перспектив.

— Давай пройдемся по улице, — строго хмыкнул Павел. — Не хочу, чтобы на нас из окон твоего дома тырились... А против твоей головной боли могу предложить несколько рецептов. Хочешь в монастырь податься?.. Трудником. Знаешь, что это такое?

— Очень приблизительно... — безлико проговорил Виктор.

— Вижу, эта идея у тебя энтузиазма не вызывает...

— Типа того. Я, кажется, даже не крещеный. Родителям было не до того... В детдоме — тем более. А сейчас и вообще ни к чему.

— Зря ты так, зря... — Павел похлопал себя по щеке. — Откуда ты такой красавец мог бы взяться без Божьей воли на этой планете?

— Такой? Такой — только из сортира... — нежно улыбнулся Виктор и напрягся, почувствовав даже сюда долетевшую вонь тех самых «училинских» сорока наглых кошаков.

- Так ты — атеист?
- Да нет, зачем...
- Значит, верующий?
- Вроде тоже нет.
- А кто же ты?
- Не знаю.

Они вышли на длинную безлюдную аллею с мутной тенью от доцветающих новомодных макаронных деревьев с листьями-лопухами. Лишь изредка мелькали редкие угрюмо-сосредоточенные собачники. Один из них с молодым тонконогим лоснящимся доберманом поравнялся с Павлом — и тотчас псина, по-щенячьи взвизгнув, шарахнулась в сторону.

— Войной от меня пахнет. Учуйл... — деловито уточнил Павел. — А почему тебе, Витёк, не перекантоваться какое-то время в монастыре? Не пойму... В том же Задонском, скажем? Замечательное место! Славное, для души. Вдруг она у тебя там прозреет?

— Мне бы что попроще. Чтобы самому ни о чем не думать...

— Тогда самое твое место на войнушке... — вдумчиво-жестко постановил Павел. — Или спиваться, или на иглу.

— Война предпочтительней, — напряженно вздохнул Виктор.

— А что ты о ней знаешь? — судорожно стиснулся Павел, словно парашютист перед прыжком в неведомое.

— Ничего... — юношески румяно и нежно покраснел Виктор.

— Есть упоение в бою... Есть... Что ж, давай, испытай себя... Мест, где повоевать можно, всегда на планете более чем достаточно. В общем, адреналин в избытке я тебе гарантирую. Но бабла ты там не срубишь. Оно не для наших карманов. В другие утекает. Зато обретешь надежный скелет для своей души. И контузию в придачу. Если вообще повезет выжить.

— А куда ехать-то?.. — смущенно спросил Виктор.

— Куда-куда? На Кудыкину гору. Скорее всего, в Африку.

— Ничего себе! — засмеялся Виктор. — И я там живых жирафов увижу? И живых львов? Нет, вообще-то, в любом случае лучше на Украину. Как-то понятней.

— На войне, юноша, хоть что-то понять еще никому не довелось! — раздраженно рассмеялся Павел. — В общем, вначале пройдешь здесь, в Воронеже, что-то типа курса молодого бойца. Само собой, сугубо секретно. А там поглядеть будем, куда и на что ты годен. Калаш в руках хоть однажды держал?

— Это автомат?

— Да, мальчик. Это — автомат! Но не с кофе-капучино! — нервно-весело проговорил Павел. — В общем, я вижу, что настоящий пес войны из тебя не скоро получится. Разве что солдат неудачи? Тебе, если честно, лучше медбратам стать. Или даже — медсестрой! Ладно, не переживай.

Он сунул ему в руку мятую бумажку с номером телефона. Бумажкой послужил чек из магазина на бутылку водки «Беленькая» и банку с килькой в томате.

— Звякнешь через недельку... — всхотнул Павел сквозь судорожно сцепленные зубы и ушел, не попрощавшись.

Виктор тупо-задумчиво смотрел ему вслед. Новая, неизведанная настоящая мужская жизнь только что дерзко мелькнула перед ним, как, скажем, когда вдруг распадется в окне железнодорожного вагона, в котором до того часами уныло тянулись степные безликие пейзажи с ред-

кими куртками, незнакомая мощная волная река во всей своей переливчато бликующей полноводной плоти.

Он машинально сделал шаг за Павлом, и еще. Почти уже побежал. Он не мог объяснить, почему так поступил. Однако стал упорно догонять Павла, и даже нервничал, если сутулая спина того, прикрытая застиранной, замызганной куртченкой с выцветшим камуфляжем, на какое-то время терялась в толпе. Словно Виктор отчаянно боялся потерять вдруг случайно обретенный им жизненный ориентир. Так сказать, почву под ногами.

Наверное, Павел почувствовал на себе неотрывный растерянный взгляд Виктора: он резко развернулся, напугав прохожих и сощурясь, напористо, зло бросился назад. Так бегут в никуда.

Виктор отшатнулся в проулок.

Когда через минуту выглянул, Павла нигде не было.

Виктор чуть не заплакал. Хотя, по идее, радоваться бы надо. Зачем ему во все это ввязываться?.. Он и там, на войнушке, будет всему и всем чужой.

Домой идти точно не хотелось. А куда еще? По дороге был парк, в котором он год назад познакомился с Ирккой: парк напоминал островок настоящего леса — густые, словно развешенные поверху тени интеллигентных кленов, рукастых мужиковатых дубов и по-девичьи сияюще-светлых осин; много шумных черных и певчих дроздов, яркие сойки резко скрежещут, пестрые дятлы уперто трудятся, и даже иволга, случается, нежно промяукает, противно напоминая Виктору про ораву оголтелых кошачков их соседки-училки.

На самой ближней скамейке Виктор аккуратно присел на краешек: ее значительную часть достойно занимал однорукий мужчина лет основательно так за шестьдесят, — рослый, рыхлый и большеликий. Взгляд его был поразителен загадочной отягощенностью некоей неземной мудростью, ни к чему здесь, на этой планете, не применимой и не нужной.

Мужчина весомо оглядел Виктора.

— Что, пацан, так тускло выглядишь? — сказал строго-внятно, но притом достаточно доброжелательно.

Виктор сжал колени — как съезжился... Засопел, откашлялся. И все и вся про себя вдруг влет выложил этому случайному громоздкому соседу по скамейке.

Изливался Виктор торопливо, азартно, местами заполошно, с никогда до сих пор не свойственным ему запальчивым раздражением. Открылся нараспашку «от и до», включая передавленную крышкой вулканизатора тощую шею директора-наильника, выкрутасы Ирки, репетицию поминок Инны и жертвенную азартность Павла, тайного человека тайной войны. Уже спокойней, как на излете, вспомнил про зарезанных родителей и чудаковатую милую мамку Клавдию Васильевну. Не преминул объявить и об адском серном духане сорока кошачков заслуженной «училки».

И тут как спохватился, сдавил руками голову:

— Зачем я все это горожу?

— Ясно одно: бытие народа нашего есть глобальное испытание лом... — сдержанно проговорил мужчина. — Корежит его на каждом шагу. Вот и лишние люди вновь появились на российских путях-дорогах... И ты, по всему видно, один из них. Только, без обид, плюгавенький. Давненько вас было не видеть, господа никчемные. Но роднит вас,

нынешних, инфантильных и равнодушных, с Базаровыми невозможность достойно реализовать себя. То-то молодежь во Франции вновь взъерепенилась, как в былом шестьдесят восьмом. Я про «желтые жилеты». И в литературе, и в жизни судьба «лишнего человека» трагична.

— На тебе лица нет! — вскрикнула Клавдия Васильевна, когда Виктор вернулся. — Что случилось?

— Ничего... — улыбнулся он, что было для него большой редкостью, особенно последнее время. — Просто я по дороге одного умного человека встретил. Очень умного. Он таких, как я, знаешь как называет? Лишние люди!

— Ерунду не городи... — напряглась Клавдия Васильевна. — Тебе учиться надо. В каком-нибудь техникуме. Скажем, на помощника машиниста электропоезда. Или на сварщика.

— Это, мамочка, облом... — поморщился Виктор. — А я, если все нормально сложится, могу уже скоро попасть на войну. На самую настоящую. По крайней мере, предложение такое поступило.

Клавдия Васильевна, пошатнувшись, повернулась к иконам.

— Господи, Святой Боже, ты же все видишь... — возвышенно, требовательно проговорила она. — Неужели этой потаскухе Ирке сойдет с рук издевательство над моим сыном? Извела парня. А он такой нежный и добрый, чисто блаженный. Заступись за него, милый Боженька! Какая война еще ему?.. Спаси и помилуй нас грешных!

Клавдия Васильевна закапала щекотливыми слезками.

— Я поняла, кто тебя с панталыку сбивает. Это тот мужик, который про нас соседей расспрашивал! — напряглась она. — Да я на него в милицию сообщу!

— В полицию, мама... — хмыкнул Виктор.

— Один хрен! А если увижу его, своими руками убью. Чтобы больше не якшался с ним!

— Зачем вы меня мучаете своими непонятными страхами? — тихо сказал Виктор. — Мне и так тошно.

Виктор понял, что сейчас заплачет.

Клавдия Васильевна машинально обняла сына и побледнела: он весь был точно каменный, как половецкая вислогрудая баба из серого песчаника, что поныне стоит за околицей возле ее родной Старой Криюши на высоком, но уже как бы растекающемся кургане. Эту степную красавицу все у них в селе как-то побаивались и при возможности стороной обходили, — но некоторые тайно почитали чуть ли не за берегиню этих мест.

— А давай мы, Витюша, сходим с тобой к бабе Свете?.. — вдруг судорожно вздохнула Клавдия Васильевна. — Пожалуйста, сынок! Уважь меня, дуру...

— Вот еще! — словно бы не своим, загустевшим, тяжелым голосом рыкнул Виктор. — Я разве похож на совсем съехавшего?.. И так ко мне ни у кого никакого уважения! А тогда вообще за дурика прослышу.

Тем не менее, на следующий день и, что особенно важно для такого предприятия, именно в пятницу он сидел за столом в соседней квартире у бабы Светы и пил ее кроваво-черный чай с белоснежным рахат-лукумом. Пока она бдительно, строго раскладывала колоду замусоленных карт своими толстыми, неуклюжими пальцами с бородавками, похожими на прилипшие к коже пшеничные зернышки. Перед ней жирно горели пахнущие горячим маслом три розовых стеклянных лампадки, а за ними сто-

яла большая икона Святого семейства. Клавдия Васильевна аккуратно сидела поодаль в темном углу, сведя кулачки под тревожно вздернутым подбородком. Выражение лица у нее было трепетное, виноватое.

Виктор глядел так, словно все происходившее вокруг его никак не касается.

Гадали «на будущее». Баба Света, сердито вздыхая, уже выбрала черного валета, который в этом магическом обряде представлял Виктора, являлся его, так сказать, двойником в царстве картежных духов.

Расклад медленно прирастал. Баба Света на что-то деловито сердилась, чмокала большими морщинистыми губами: ей явно не нравилась сложившаяся пестрота пик, заряженных коварным предвестием мрачных переживаний.

— Где же твои черви, Витенька? Где, миленькие?.. А ну-ка, идите сюда, милые вы мои, помогите мальчику... — хозяйски, властно говорила она со своими картами, призывая ту масть, которая предвещает клиенту наступление благополучного счастливого времени. — Ужо я вас!..

Вдруг она болезненно поморщилась и размашисто огребла в кучу все карты, раздраженно смешала их.

— А разве ты не будешь глядеть «что будет», чем «сердце успокоится»? — робко проговорила из темного угла Клавдия Васильевна.

— Глядеть... — глухо отозвалась баба Света. — Пики восьмерка и девятка как срослись. На них, что ли, мне глядеть и радоваться? Потом же пиковый туз расстается не расстается с пиковой дамой...

— Так что ты скажешь? — прошептала Клавдия Васильевна голосом, после которого разве что остается только с рыданиями пасть на колени.

— Придется еще раз кинуть карты, — уперто проговорила баба Света. — Иногда они как нарочно чудят, за нос водят...

Карты вновь веером прыснули на стол из ее рук, как стая пестрых птиц порхнула.

Низко прильнув к ним и раздраженно шурясь, баба Света долго разглядывала их и даже словно бы придиричиво обнюхивала.

— Достала меня эта девятка пик! — вскрикнула, вдруг ударив кулаком по столу. — Так и лезет на глаза, так и лезет! Вертихвостка!

— Баб Света, а это что-то очень плохое? — робко проговорила Клавдия Васильевна.

— Вижу... Вижу стационар в какой-то клинике, и точно бы тебе, Витюша, операцию делают такую, что ты сам на себя стал совсем не похож! Жуть несусветная. Даже карты мои корежатся, словно живые страдалницы... — гадалка резко передернула плечами.

— Чтобы мне про войнушку и не заикался! Не пуцу!! Только через мой труп!!! — с задыхом вскрикнула Клавдия Васильевна, готовая немедленно сгрести Виктора в охапку и спрятать, как дитя под подол. — И от Ирки держись подальше. Чтобы духу ее не было возле тебя!

Баба Света, аккуратно прищурясь, накапала себе махонькую рюмку коньяка и слизнула его с особым благоговейным уважением.

Отрадно зажмурилась.

— Клавка, не ерепенся! Войны я возле твоего Витеньки не вижу никакой... И жены его стервозной тоже поблизости нет, — как бы сама с собой строго заговорила баба Света. — Тут такая хитрая путаница, которую мои карты никак не могут пронять. При всей ихней мудрости они в теперешней жизни все трудней разбираются... Такое в ней несусветное творится... Все, детки милые. Сеанс окончен! Нет более сил у старухи... А

теперь рекомендую вам сходиться в храм и покаяться батюшке на исповеди, что меня, ветхую дуру, навещали... И я сама, как вас, дураков, выпровожу, стану перед своей домашней заглавной иконушкой и мысленно попрошу прощения, что без разрешения лезу в дела небесной канцелярии.

Баба Света радушно, молодо расхохоталась. И снова аккуратно, сладко наполнила рюмочку.

Денег не взяла. Такса у нее была по нынешним временам, когда по самым пустякам без тысячи в магазин не ходи, очевидно, малая, двухсотрублевая, но и от таких денег баба Света отказалась.

— За что? Я ничего толкового не сказала... — покаянно вздохнула она. — Только больше ни к кому не бегайте. Очень там всякие такие странности клубятся, что вам об них и говорить не след. Ступайте, живите, с Богом, милые мои... А там видно будет, куда лошадки дышло повернут. Насчет войны — не дрейфы!

Они стомленно вышли. Клавдия Васильевна привалилась спиной к стене, словно не было у нее никаких сил идти дальше. Она трудно дышала. И кончик носа странно побелел.

— Теперь ходи по жизни отресь ножку, деточка... — Клавдия Васильевна судорожно, неуклюже приобняла Виктора.

Плакать слез не было. Как застыли они в ней, заледенели.

...На другой неделе хоронили Инну Фабрицкую на аллее Славы заглавного городского кладбища. С явлением у гроба демократически задумчивого зама главы города и части представителей депутатского корпуса, строгих и предельно аккуратных в каждом движении и слове. Среди них вдохновенно присутствовал и господин Юрий Бельский. Весь его внешний драйв позитивно свидетельствовал, что он только что прибыл рейсом из успешной поездки именно в Англию.

Мертвенная полуденная Луна печально прилегла над кладбищем, невзирая на июльскую ярость Солнца. Так прехитренная кошка равнодушно дремлет рядом с грозно сопящей псиной.

У могилы сочно-пряно пахло нутряной землей. Только что в здешнем храме состоялось отпевание. В ушах у всех напряженно стоял тугой, траурный бой колоколов. После отпуска невысокий юркий диакон нежно возгласил: «Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшей рабе Твоей Инне, и сотвори ей вечную память». После чего батюшка Григорий, взволнованно поправив косичку, трепетно объявил: «Во блаженном успении вечный покой подай, Господи, усопшей рабе Твоей Инне, и сотвори ей вечную память!»

У разъявленной могилы было так людно, что далеко не все смогли участвовать в панихиде, — многие ждали в стороне свою очередь кинуть глинистую горсть в отверстие кладбищенское нутро.

Когда прощались с Инной, всем бросилось в глаза, что в ее посмертных чертах лица проступила некая удивительная простодушная радостная смиренность и нежный восторг. Многие невольные решили, это так отразилось на лице Инны то потаенное, возвышенное, что ждет человека за порогом жизни. Лишь отдельные скептики склонялись к мнению, что просто-напросто визажист для мертвецов, так называемый «танатокосметолог», перестарался с макияжем и разными там гелями. В любом случае, Инну было не узнать: в гробу лежала словно бы совсем другая женщина, ничего общего с прежней не имеющая.

— Инна была прекрасный работник, Инна прекрасна и в своей смерти! Она всегда мысленно будет рядом с нами! — с возвышенной нежностью

тью певуче произнес над гробом президент меркурианского холдинга Юрий Бельский, вдохновенно глядя своими женственно-голубыми глазами в напряженную холодную синеву, точно там барражировал некий ангел и шептал ему нужные высокие слова.

Как бы там ни было, у Виктора метаморфоза с лицом Инны почему-то вызвала странное, лихорадочное волнение и азартный душевный подъем. Слово Инна намекала ему, что его нынешнее стремление найти свое значимое место в жизни, так сказать, определиться, зазвучать, есть вполне реальная и осуществимая мечта.

Он нагнулся и, аккуратно раздвинув матовую пелену тончайших кружев с лица покойной, нервно поцеловал ее в лоб через бумажный венчик, пахнувший духами Ирины, — та только что подходила к гробу проститься с кухней.

Когда торжественно-коричневый лаковый гроб, похожий на роскошный лимузин, устремившийся в вечность, плавно занырнул в глинистую яму, словно навечно припарковался там, раздались модные нынче аплодисменты.

Плакал только Виктор и несколько каких-то неизвестных женщин. Кажется, даже из тех, что просто мимо проходили — и остановились. Виктору, тем не менее, казалось, что все насмешливо косятся на него и осуждают его за такую неприличную чувствительность. По крайней мере, Ирина — стопудово.

Кстати, сегодня она впервые при нем открыто была на людях под руку с капитаном Горяиновым, — и они действительно смотрелись как прекрасная пара.

...На поминках Горяинов говорил много и трибунно. Кажется, он по-прежнему испытывал вину перед Виктором и, как мог, старался создать вокруг него атмосферу, врачующую любые душевные боли.

— Инна с нами! Она сейчас здесь и видит каждого насквозь! Улыбнемся ей! Смело взглянем в лицо смерти! — объявил капитан и поднял глаза к потолку, словно бдительно выглядывая там между закопченных провислых кафешных люстр витающий всевидящий дух усопшей.

Виктор впервые безобразно напился.

Домой его привезли росгвардейцы под командованием капитана Горяинова. Несли Виктора на руках, как геройски павшего бойца. И почему-то поначалу настойчиво пытались оставить его тело в комнатке заслуженной учительницы, чем вызвали у нее старческий обморок, а у сорока здешних кошек дикую панику и яростное желание разодрать в клочья безмятежную, почти счастливую физиономию Виктора.

...Следующую неделю он безвылазно торчал дома — уныло ждал вестей от Павла. Мысль, что ему, возможно, придется взять в руки автомат и в кого-то реально стрелять, вызвала у него день ото дня все более стойкое тупое оцепенение. Он есть перестал. Не то чтобы совсем, но так, лишь для видимости что-то безучастно поджевывая время от времени.

Клавдия Васильевна сходила в храм и заказала за его здравие Сорокост. Если не поможет, обещала съездить в Акатов монастырь и подать записку на чтение Неусыпаемой Псалтири, что есть крайняя неодолимая сила.

— А как это, мама? — безучастно спросил Виктор.

— Сама, прости дуру старую, толком не знаю... — вздохнула Клавдия Васильевна. — Но помню с детства, бабушка мне говорила, что там, где читают Неусыпаемую Псалтирь, как огненный столп спасительный до неба поднимается.

— Еще чего... — хмыкнул Виктор; тем не менее, ему почему-то вдруг стало реально страшно.

На днях Клавдия Васильевна не мытьем, так катаньем уговорила его оторваться от дивана, на котором он все бока себе истерзал старыми кусучими пружинами, и помочь волонтерам при храме, девчущкам, отнести подарки в дом престарелых на День семьи, любви и верности, то есть именно 8 июля.

— Девочки такие замечательные! Вдруг какая еще и приглянется?

— С меня Ирки на всю жизнь достаточно... — лежа лицом к спинке дивана, глухо отозвался Виктор.

В дом престарелых он все-таки пошел. К тому же у него какая-никакая машиненка имелась — самое оно под волонтерские коробки с конфетами, пряниками, зефиром и иконами святых Петра и Февронии: еще деда покойного «москвич»-легенда, из самых первых, четырехсотый, выпуска одна тысяча девятьсот сорок шестого года, — дебютное серийное авто для личного пользования граждан бывшего СССР. Виктору за него недавно полноценный миллион предлагали, само собой, в рублях, но он — ни в какую. Был «москвич» на ходу, достаточно резв, цвета светло-шоколадного: загляденье! Вообще какое-то во всем его облике солидно проглядывало особое благородство свободолюбивого и знающего себе цену бюргера, как видно, усвоенное от немецкого прототипа этой машины — «опель-кадета».

Только за рулем машины Виктор чувствовал себя человеком.

«Когда ты едешь на своей колымаге, у тебя на лице выражение ребенка, которому засунули в рот любимую пустышку!» — не раз говорила ему Ирка.

Когда во второй половине дня Клавдия Васильевна вернулась с рынка, Виктор снова лежал на диване, как вцепившись зубами в спинку.

— Что опять не так? — тихо вздохнула она, тотчас забыв ту радость, с какой только что шла домой, случайно купив в их минимаркете два пакета просроченного молока за цену одного.

— Мой поход в приют для стариков закончился довольно неприятно... — сдавленным рассерженным голосом проговорил Виктор. — Так глупо все в этой жизни! Знаешь, что нам предложили перед расставанием в этом Доме престарелых? Их руководство в знак благодарности велело накормить нас обедом!!! Ох, лучше бы они с этим не затевались! Бабки и деды стояли вокруг и с умилением разглядывали, как мы едим-давимся! При том азартно чихали, сочно сморкались, кашлем чахоточным заходились... А еще там везде так воняет мочой. Гаже воняют только драные кошки нашей училки! Я ел и давился! А одна из старушек вообще черт знает что устроила! Явно по фазе сдвинутая. Стала передо мной на колени и говорит: «Здравствуй, милая доченька! Я узнала тебя! Счастье какое! Любушка! Кровинушка! А меня уверяли, что ты умерла! Забери меня отсюда немедленно!..» И давай в рев на все этажи. Даже охрана с газовыми пистолетами прибежала. Чуть наручники мне не надели. Паспорт стали требовать. Деловые такие! Хорошо, что я на машине без него никогда не езжу. Мало ли что гибэдэдэшникам в голову взбредет на трассе...

Клавдия Васильевна с силой закрыла лицо руками, как две пощечины сама себе отвесила.

Виктор решил, что она плачет.

Клавдия Васильевна смеялась. Только смех этот был какой-то явно не хороший.

...На днях позвонил капитан Горяинов и предложил Виктору встретиться в сквере воинов-интернационалистов в предле главного городского кладбища у тамошнего храма «Взыскание погибших». Ни для кого не было секретом, что это место обустроено в память о наших ребятах, погибших в локальных войнах и прочих конфликтах по всему белу свету, где без нас ну никак не могли обойтись.

— Вещи с собой какие взять? Из еды что-то? — почти обморочно проговорил он.

— На месте все решим, — холодно, по-военному постановил Горяинов.

Кстати, при встрече Виктор не мог не заметить на его плечах новоблиставшие солидные мордатенькие майорские звезды.

— Поздравляю, Дмитрий Вячеславович... — тихо сказал он.

— С чего это ты со мной на имя-отчество перешел? И с чем меня поздравлять? С новым званием? — усмехнулся Горяинов. — Мне век так бы и ходить в капитанах, если бы не сработал авторитет генерала Великолепова. Это, так сказать, ради Ирки он расстарался. Ради ее имиджа.

— Когда и куда мне выезжать? — вздохнул Виктор. — Правда, у меня нет никакого опыта обращения с оружием. Павел что-то обещал помочь в этом плане, но все тянет.

— Ничего он не тянет! — горько вскрикнул майор Горяинов и внушительно перекрестился на маковки храма иконы Божьей Матери «Взыскание погибших». — Не судьба тебе, Виктор, стать солдатом удачи. В общем, сегодня мы похоронили нашего боевого товарища Павла... Добровольца, погибшего в боях за свободу Новороссии. За его плечами две чеченские кампании — без единой царапины. А тут... В общем, на днях отряд Павла оказался в ловушке: их явно кто-то подставил. Вполне возможно, что он в неразберихе погиб от пули, выпущенной своими же. Вечная память бесстрашному герою...

Недалеко была пельменная «Граф Монте-Кристо». Несмотря на классическое название, здесь, как и везде в подобных заведениях, «пельмени» к этому продукту по сути не имели никакого отношения, но официантки, одетые в стиле эпохи Дюма, по крайней мере, обслуживали с некоторым радушием, пусть и напуганным.

Виктор и майор Горяинов помянули Павла водкой с каким-то насмешливым названием «Народная». Начали вдвоем, но уже скоро все посетители пельменной присоединились к их траурному мероприятию. Павла в Воронеже знали. Даже откуда-то объявились и несколько знакомых лиц: редактор местной газеты «Твоя жизнь» Игорь Бояринов и нотариус Аполлон Орлов-Алябьев.

К закрытию пельменной все посетители как один надрывно хотели немедленно идти воевать за всемирную справедливость, но не знали толком, что это такое и где ее по каким сусекам сыскать. В итоге ограничились тем, что яростно, со слезным упоением спели «Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать. Прощайте, родные! Прощайте, семья! Гренада, Гренада, Гренада моя!...»

Виктор помнил, что он, подпевая, плакал навзрыд.

Когда расходились, он, все еще балансируя на грани судорожных рыданий, объявил Горяинову, что искренне хочет без промедлений изменить свою жизнь наперекор всему и любой ценой:

— Я неудачник и лишний человек! Это написано у меня на морде. Хочу начать новую жизнь с чистого листа! Как по программе спасения

свидетелей! Даже имя себе и фамилию возьму другую! Вот так... Например, Константин Гриднев! Или Валериан Смоктуновский! Тебе нравится?..

— Бред сивой кобылы... Ты это решил сделать в пику Ирке?! — напрягся майор и зачем-то машинально-гордо поправил новые погоны на плечах своего серого парадного кителя. — Знай, она дура и такой жертвы не стоит. Кстати, по всему чую, что мы с ней тоже вместе ненадолго. Твоя бывшая еще с теми закидонами! Ей бы за олигарха замуж, но они, увы, появились в России, когда она уже по бабским меркам в самой настоящей тираж вышла. И все равно, конечно, Ирка красивая женщина!

— Очень... — тускло поморщился Виктор.

...Через несколько дней нотариус Аполлон Орлов-Алябьев пригласил его в свою контору. Ему предстояло объявить последнюю волю Инны. Виктор попросил, чтобы при этом обязательно присутствовали все, кто пожелает. А пожелала практически вся их знаменитая компания. На кону была четырехкомнатная квартира Инны в центре, центрее которого не бывает, и загородный коттедж возле Дона, на границе пойменного заливного луга с роскошным густым разнотравьем. Само собой, имелся и достойный по воронежским меркам банковский вклад.

— Прошу присутствующих проявить достойную выдержку и благоразумие... — с артистичным изяществом объявил Орлов-Алябьев и отвел публике место, который, благодаря бравному фраку с черными пуговицами, делал его похожим на фокусника даже при отсутствии лоснящегося цилиндра. — Воля покойной может вызвать у кого-то бурю негативных эмоций, но закон есть закон.

— Пожалуйста, ближе к телу, — достойно, почти равнодушно проговорил майор Горяинов.

Тем не менее, Орлов-Алябьев с профессиональным самолюбованием выдержал емкую, густую паузу.

— Наследник один. И он всем вам хорошо известен... — смиренноторжественно объявил нотариус, точно огласил волю богов, у которых числился на службе не на последнем счету. — Не знаю, какими соображениями руководствовалась покойная, принимая такое решение. Ее недвижимость и банковские вклады наследует... Виктор-р-р Воро-бье-е-ев!!!

— Я так и знала! Какая подлость!! Какая глупость!!! — пылко вскрикнула Ира, закашлялась и вдруг сломленно обмякла: потеряла сознание. Падала она, тем не менее, достаточно изящно. Ко всему майор Горяинов вовремя успел ее подхватить. Виктор в растерянности тоже было сунулся принять на руки бывшую жену, но вдруг точно опомнился и резко отвернулся к окну.

Майор Горяинов тотчас принялся исполнять над Ириной какие-то умелые росгвардейские действия по оказанию первой помощи, чтобы привести ее в чувство. По всему было видно, что он, как человек военный, служилый, более чем достаточно осведомлен в этом жизненно важном вопросе.

Уже скоро Ирина вяло открыла свои сейчас особенно красивые глаза с поволокой и тихо, мутно вздохнула:

— Сволочь...

Правда, к кому относилось это слово, было несколько непонятно. Не совсем, вернее, понятно.

И вот тут Орлов-Алябьев и объявил нечто в практике его никогда не

встречавшееся до сих пор. И, кажется, не имевшее места во всем мировом нотариальном делопроизводстве. То есть такое условие, какое, пусть и небольшой строчкой, но отныне должно будет войти во все юридические издания, так или иначе рассматривающие различные грани современного состояния вопроса дарения недвижимости.

— При дарении закон предусматривает полную чистоту события, то есть это соглашение не может быть отягощено никакими дополнительными требованиями. Поэтому исполнение ее особого условия гражданка Инна Фабрицкая целиком и полностью оставила на совести наследователя.

— Что еще за бред? — вздернулся Хохлов.

Орлов-Алябьев внушительно осмотрел сидевших вокруг людей просто-таки с горней высоты абсолютных юридических констант, перед которыми бледнеют законы сотворения Вселенной.

— Требование более чем особое... — мудро, проникновенно вздохнул Аполлон.

Кажется, даже он был несколько смущен.

Виктор трудно, судорожно обернулся, тотчас вцепившись в железную спинку стоявшего впереди офисного стула.

— Что за условие? — глухо, нервно проговорил он. — Нет, не так... Я принимаю любое условие! Каким бы оно ни было. Я ясно сказал?

Гости очень долго покидали офис нотариуса Орлова-Алябьева, точно не могли найти дорогу в некоей кромешной темноте. Все кружили и кружили друг вокруг друга.

Наконец Виктор и Аполлон остались один на один. Бодрящее ощущение предстоящего исторического юрпраздника как озарило Орлова-Алябьева. Так что он как-то весь непомерно вдохновился и даже ногами притоптывать принялся.

— Вить, а «Фауста» Гете ты читал?

— Какого «Фауста»?.. Какого Гете? — мягко смутился тот.

— Все с тобой понятно... — мило, одухотворенно улыбнулся Орлов-Алябьев. — Только ты тут ни при чем. Это вопрос к современной системе российского образования. Объясняю популярно. Ключевое событие «Фауста» — сделка человека с Мефистофелем, с чертом, то бишь. Что она из себя представляет? Черт получает право на душу Фауста и после смерти тела может ее забрать. В свою очередь Фауст получает при своей жизни весьма обширные, практически неограниченные возможности.

Аполлон уединился от сего мира в магическую паровую атмосферу возлюбленной электронной сигареты, словно взял тайм-аут.

— Не врублюсь, — печально повинился Виктор, говоря сейчас словно бы с каким-то эзотерическим облаком.

— Конечно, конечно! — дружелюбно, почти нежно вскрикнул из его глубины Орлов-Алябьев. — Только не бледней. Насчет черта — это я для того, чтобы подчеркнуть необычность твоей ситуации. В данном случае вариант пожиже. Но все равно заставляет мозги леденеть... В общем, налицо, Витюшенька, невиданный кульминационный посмертный каприз всеми нами горячо любимой и весьма милой дамы! Эпохальная ситуация. Прорывная!

Он взял паузу и вдруг внушительно, емко хохотнул:

— Сделка с женщиной — все равно, что сделка с дьяволом!

— Я на все согласен, — мрачно, но аккуратно проговорил Виктор.

...Следующим летом накануне годовщины смерти Инны Орлов-Алябьев с какой-то особенной горячностью, эдаким пылким пылом, вдохновенно объявил родственникам и сотрудникам Инны об особой желательности коллективного посещения ими ее могилы, которое полностью оплачивает его юрфирма, включая проезд, цветы, памятные подарки и поминальный обед в «Ромашке», временно переименованной в «Моменто море».

Президент меркурианского холдинга Юрий Бельский распорядился подготовить приказ о сокращенном рабочем дне в связи с таким фактом, требующим полноценного выражения сердечной почтительности.

Была на кладбище в тот день, отложив на пару дней государственной важности заграничную командировку в Англию, сам генерал-майор ФСБ Владимир Великолепов: кстати, один вид этого рослого человека-памятника действовал на окружающих бодро и успокаивающе, — Родина не в опасности, если на страже ее интересов стоит такой монументально внушительный человек. Которого, правда, послезавтра арестуют в связи с причастностью к многомиллиардным коррупционным забавам.

Если бы можно было видеть с дрона нынешнее многолюдное движение к могиле Инны от ворот главного городского кладбища, оно выглядело бы как натекание, вернее, как бросок долго не гаснущей волны на берег. Не цунами, конечно, но все-таки.

И вдруг, уже далеко распространившись вглубь старого элитного кладбища за пределы его особых кирпичных ворот в духе ранней сталинской готики, толпа оцепенела, точно налетев на незримую, но непреодолимую преграду.

Судорожно взвизгнула какая-то женщина. Кажется, Ирина.

Перенапряженное молчание остальных выглядело ничуть не благополучней, ибо его иначе как полубомбочным диагностировать было невозможно.

Кажется, кто-то в этом судорожном оцепенении так-таки смог позвонить в МЧС. Возможно даже, что это был майор Горяинов.

Одним словом, несмотря на всю странность содержания этого сигнала, оперативно поступившего в органы, к кладбищу сразу с нескольких станций понеслись три реанимационных автомобиля «скорой помощи». Наверное, на такой расторопности так-таки сказалось, что в покрывшей кладбище народной волне находились генерал Великолепов, потом же президент меркурианского фармацевтического холдинга Юрий Бельский, а также ряд официальных представителей городской администрации, не считая завгара Ивана Хохлова.

Между тем, приблизившись к могиле покойной Инны Фабрицкой, передовые ряды родственников и сотрудников вдруг всколыхнулись и откатили чуть ли не метров на сто, а то и все двести. Самым что ни на есть взрывным образом. Отступали стремительно, с давкой, с приступами истерии, астмы и человеконенавистничества, вдруг дерзко проявившегося во всей своей неприглядности. То есть некоторые побежали, так сказать, по людям, опрокидывая самых слабых и интеллигентных. Одним словом, бежали панически, с ором, воплями и слезными подвываниями. Оставляя за собой поломанные кусты, деревья и даже поваленные надгробия.

И все это сотворила причина, для большинства непонятная.

Такое решительное действие на толпу произвела всего-навсего некая женщина лет сорока пяти, которая относительно задумчиво стояла в свадебном платье возле могилы Инны Фабрицкой с достаточно скромным, но

дерзко элегантным букетом магически таинственных белых и жгуче-фиолетовых, почти черных каллов — оккультный символ смерти.

Цветы цветами, но сразило всех то, что эта женщина была точно сама Инна, ныне, в общем-то, покойная. Даже не знавшие ее раньше люди могли в этом реально убедиться по сходству ее живого лица с большим портретом, выгравированным на черном карельском граните.

Такое явление Инны вживе не только остановило и отшатнуло назад толпу, но даже ввело в подлинный ступор боевого офицера, майора Росгвардии Горяинова. Но более всего оно потрясло Ирину Великолепову, решительно вернувшую себе на днях знаменитую семейную фамилию.

Смутили такие неординарные обстоятельства даже отца Григория, которого сотрудники холдинга привезли на кладбище усердно совершить чин литии по преждевременно усопшей рабе Божьей Инне. Отец Григорий с дьяконом Андреем теперь аккуратно стояли в сторонке, о чем-то тихо, но взволнованно переговариваясь и то и дело трепетно, с особой тщательностью накладывая на себя крестное знамение.

Господин Бельский неспешно, чуть ли не бочком, первым выделился из откатившейся толпы и бдительно приглянулся по сторонам, словно бы высматривая некоторые возможные и еще не осмысленные, все объясняющие детали такого отчаянного казуса. Может быть, он тянул минуту-другую в надежде, что эта бредятина как началась ни с того ни с сего, так сама собой и рассосется. Исчезнет, как привидения, упыри и прочая нечисть при первых признаках утра.

Никто и ничто не исчезало.

Более того, начал накрапывать самый что ни на есть материалистический зыбкий летний дождь. Вернее, дожденок из случайно сложившейся временной тучки, от которого всякому человеку, основательно прогретому нынешней небывалой июльской жарой, даже под зонтик не хотелось нырять: пусть от души брызжет на разгоряченные головы с закипающими мозгами.

Бельский сделал смелый шаг к могиле Инны Фабрицкой.

Кто-то из его лучших личных секьюрити особым угрожающим шагом не знаящего поражений бойца тотчас эффектно двинулся на опережение господина Бельского, но тот кивком головы вернул своего громила на место.

Уже в нескольких шагах от роскошной дамы с букетом смерти — густо-ванильных загадочных каллов, напоминающих своим формами модель неких космических энергий, Бельский, заметно бледневший по мере сближения, вдруг нетерпеливо и почти косноязычно проговорил:

— Простите, вы очень похожи на одну женщину. Ее звали Инна Фабрицкая.

— Я и есть Инна Фабрицкая, — услышал он в ответ мило произнесенное утверждение голосом именно самой Инны.

— Так вы, может быть, двойняшки какие-нибудь с покойной? Такое бывает. Такое можно понять... — глухо прорвалось у Бельского. — Сходство неотразимое. Вблизи так вообще шокирует. Зубы стучать начинают...

Он сдавленно хмыкнул.

— Даже так?! — очень самодовольно рассмеялась живая «Инна». — Не стану возражать. Может быть, вам и документик какой-нибудь предъявить? Так, на всякий случай. Для крайней достоверности.

Бельский тревожно поморщился. И вдруг как-то неловко, но настойчиво воспрянул:

— А вот и давайте поглядим его! Да-да! Без бумажки я букашка! Вернее, ничто на пустом месте...

Он чуть ли не трясущимися руками напряженно пробежал глазами несколько страничек новенького паспорта, дерзко сияющего имперским золотистым гербом, само собой, надушенного чем-то запредельно французским.

— Инна Фабрицкая... — как в прострации прочитал Бельский. — И кем же вы приходитесь той Инне Фабрицкой, которую я знал?

— Я и есть она в лучшем смысле этого слова.

— Но она же мертва! — сипло вскрикнул Бельский. — Это непреложный факт!

— Считайте, что я воскресла... Вас это хоть немного успокоит? Кстати, я желаю вернуться на свое прежнее рабочее место. Мой дорогой Юрочка!

Бельский рывком поклонился и отошел, но так неловко, что многим показалось, будто у него вот-вот заплетутся ноги. Он таки устоял.

— Кто вы такая? — в свою очередь сунулся к живой «Инне», как в разведку боем пошел, майор Горяинов.

— Я продолжение земной жизни Инны... — был ответ. Очень взрослый ответ. Почти радушный, но без улыбки.

Дмитрий Горяинов неожиданно услышал в этом голосе бдительным военным ухом пусть и смутные, но вроде как знакомые ему нотки. Тем не менее, он не поверил сам себе. Настолько не поверил, что чуть было не хватил себя кулаком по темечку.

Ирина вдруг проявила внезапное мужество и дерзко схватила «Инну» за руку:

— Что за гнусный издевательский спектакль? Я сейчас же иду в прокуратуру! Нет, в Епархию! Вернее, и туда и туда! По тебе, лже-Инна, тюрьма плачет. Какое наглое издевательство над дорогими всем нам духовными традициями! Умерла — так умирай! Как любят на Руси самозванство! Медом не корми! Я требую немедленного разоблачения этого безобразного розыгрыша!

Орлов-Алябьев вместе с Игорьком Бояриновым было догнали Ирину, и нотариус почти на бегу попытался объяснить своему другу изящную и гуманнейшую законность всего происходящего и даже по-своему высокую порядочность данного факта. Правда, ему тут же пришлось изворачиваться от шипастого букета роз Ирины, что вышло достаточно неловко. На виске и на лбу нотариуса набухли, сочно закровоточили царапины, похожие на китайские иероглифы.

— Вам все нравственно, за что деньги платят! — надрывно-диссидентским воинственным голосом брезгливо объявила Ирина.

— Я не был уверен, что появление «Инны» на кладбище возле могилы Инны будет встречено аплодисментами... — как-то игриво всхотнул Орлов-Алябьев. — Но чтобы такая тупость провинциальная поперла изо всех щелей!..

Как бы там ни было, уже вскоре весь город был напряжен разговорами про будто бы мошенническую уловку со смертью креативного директора «Меркурия» Инны Фабрицкой. Одни считали, что таким образом Фабрицкая надеялась избежать наказания за некую многомиллионную коррупционную сделку или скрыться от налогов. Другие видели в ее странном возвращении к жизни изощренные проделки местных сатанистов. Третьи были уверены, что таким образом Инна решила отбить у своей подруги перспективного ухажера в лице быстро растущего по службе майора Горяинова. Как говорится, сон разума рождает чудовищ.

...Вечером у Клавдии Васильевны в ее каморке, нагущенной многочисленными едкими ароматами сорока кошек соседки-учительницы, пили поминальную водку майор Горяинов, новая «Инна» и деликатно-веселый нотариус Аполлон Орлов-Алябьев, единственный из всех, кто выглядел вполне всем довольным, был исполнен юношеского энтузиазма и счастливых перспектив, похожих на классический вариант чеховского неба в алмазах.

Клавдия Васильевна в основном плакала: укромно так, неназойливо, но неостановимо. В любом случае, она одна никак не соглашалась обратиться к новой «Инне» этим именем, пусть некогда мужским, а настыр-но талдычила все одно: «Вить, Витька, Витюша, что ты с собой наделал? И зачем ты только, дубина стоеросовая, позволил из себя бабу сделать!.. Зачем тебе чужой-то жизнью жить? Своя есть своя... На кой хрен тебе эти Инкины деньжищи, если тебя прежнего не стало! Кого я теперь любить и лелеять буду, Витенька-а-а! Чьих внуков мне няньчить?!

— Вы только зацените, народ! Есть у меня одна убойная идея! — рас-смеялся Виктор-Инна. — Я предлагаю создать фирму «Лоно бессмертия». Само собой, для клиентов, известно из какой среды. От Рублевки и выше. Как вам, скажем, такой расклад: олигархический вдовец или вдова на волне возвышенной печали могут с нашей помощью выйти в свет со своей преждевременно ушедшей половиной! Новый носитель ее или его лица эту возможность им, благодаря медицине, в чистом виде предоставит! Возможно, через такую методику люди вообще утратят зоологический страх перед смертью! А желающих с голодухи изменить лицо и даже пол за сладко покушать у нас найдется предостаточно.

«Инну» вдохновенно несло. Кажется, он-она в самом деле перероди-лась: явно сработал некий неизвестный науке эффект. По крайней мере, речь Виктора-Инны стала уже так взыгрывать и всякую нужную мысль философскими вензелями украшать, как это хорошо умела лишь покой-ная госпожа Фабрицкая.

— Начинается новая эра, народ! — нежно вздел-вздеда Виктор-Инна свои еще достаточно мужские руки. Завершающая операция предстояла уже вскоре.

Клавдия Васильевна вдруг заметила, что закуска почти вся наро-дом подъедена, так и подхватила заботливо сбежать на кухню, самую что ни на есть у них общую, да по пути догадливо постучала в соседнюю дверь.

— Анна Егоровна, миленькая! У вас огурчиков солененьких случай-но нет? Моим мужикам под водочку. Тут у нас событие вроде как! И вы приходите... А я завтра же должок верну с привесом!

Ответа не последовало. Хотя через дверь некие странные и чрезвычай-но неприятные звуки в комнате Анны Егоровны очень даже слышались.

Клавдия Васильевна несколько раз повторила с ласковыми уважи-тельными интонациями свою соседскую просьбу.

Наконец в нетерпении ножкой дверь толкнула Клавдия Васильевна — та и распахнулась враз: замок был вовсе никудышный.

— Рятуйте, люди добрые! — взвизгнула Клавдия Васильевна. — Училка померла! А кошки ее с голодухи грызут!..

Виктор-Инна всех опередил: мигом скинув платье и оставшись в од-ном женском белье, очаровательно кремовом, он напористо ворвался в густую аммиачную вонь каморки заслуженной училки. Майор Горяинов гвардейски бросился за ним. Он как бы даже не бежал, а парил следом: так, наверное, и полагается десантуре.

«Эх, Витька-Витёк... Так-перетак...» — страдала в майоре какая-то неведомая часть мозга, предназначенная переосмысливать разные более чем невеселые жизненные напасти, та самая, где до сих пор застряла боль по «бате», выжившему при падении из самолета без парашюта, но на празднике в честь своего удивительного спасения подавившегося косточкой любимых маслин.

Взбешенные кошки враскорячку, точно сброшенные с совковой лопаты, полетели со второго этажа в палисадник с наглым безобразным ором.

«Господи! — вдруг с непривычной для него взрослостью подумал Виктор-Инна, пинками вышибая из каморки Анны Егоровны дерзко шипящих котят. — Почему все так здесь, на Земле?! Создатель, неужели Ты в чем-то ошибся?»

